

Профессор С. П. ТОЛСТОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ДРУЖБЫ НАРОДОВ СССР

I

Великие дни, которые мы переживаем сейчас, дни победоносного завершения Отечественной войны советского народа над фашистскими варварами, являются днями, когда, как сказал товарищ Сталин в своем прошлогоднем октябрьском докладе, не только оружие советского народа победоносно проложило пути в логово врага, но когда победоносно завершается борьба двух мировоззрений, двух идеологий – фашистской звериной идеологии, идеологии дикого национализма, человеконенавистнической расовой теории, с одной стороны, и с другой – идеологии самой передовой, самой прогрессивной в мире, советской идеологии, идеологии братства и дружбы народов.

Товарищ Сталин в упомянутом мною докладе подчеркивает, что фашистская идеология, которую немцы пытались превратить в орудие порабощения всего мира, явилась одной из причин развала фашистского блока и конечного поражения фашистской Германии.

"Немецкие фашисты, – говорит товарищ Сталин, – избрали своим идеологическим оружием человеконенавистническую расовую теорию в расчете на то, что проповедь звериного национализма создает морально-политические предпосылки господства немецких захватчиков над порабощенными народами. Однако, политика расовой ненависти, проводимая гитлеровцами, стала на деле источником внутренней слабости и внешне-политической изоляции немецко-фашистского государства".

И товарищ Сталин противопоставляет этой звериной, человеконенавистнической фашистской идеологии нашу идеологию, явившуюся важным оружием нашей победы. Фашистскому расовому шовинизму он противопоставляет советский патриотизм. "Сила советского патриотизма, – говорит товарищ Сталин, – состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народов своей советской родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза".

Так ставит вопрос товарищ Сталин. Эти положения, играющие сейчас такую гигантскую роль для нас, историков, имеет огромное методологическое значение. Мы знаем, какую роль националистическая ограниченность и звериный шовинизм играют в концепции взаимоотношений между народами в их историческом прошлом, в писании немецких фашистов и других представителей националистических течений буржуазной историографии.

Мы знаем, что не только открытые фашисты, но и представители более умеренных буржуазно-националистических течений при подходе к истории своей страны и истории других народов обычно склонны смотреть на эту историю через узко-националистические очки.

Уважение к своим собственным национальным традициям у этих авторов не сочетается с уважением к традициям других народов, оно сочетается с тенденцией отри-

цать исторические заслуги других народов, выпячивая свою историю как, якобы, центральную линию исторического развития всего человечества.

Так обстоит дело с фашистами, так обстоит дело и со многими другими буржуазно-националистическими концепциями в области истории.

Только сталинская идеология дружбы народов, только новый советский патриотизм создали предпосылки для того, чтобы подлинно передовая историческая наука, советская историческая наука смогла подойти к самому сложному, самому трудному вопросу истории человечества и, в первую очередь, истории нашей страны не под углом зрения националистической ограниченности, а так, чтобы уважение к своему национальному прошлому сочеталось с уважением к национальному прошлому других народов, чтобы рассмотрение каждого исторического факта было произведено с точки зрения общеисторических связей, с точки зрения его всемирно исторического значения, с точки зрения его прогрессивной или реакционной роли в истории всего человечества.

Так обстоит дело с вопросом о методологическом подходе к проблеме взаимоотношений между народами в их историческом развитии.

Мы знаем, что в писаниях псевдоученых идеологов германского фашизма последовательно проводится противопоставление активной исторической роли "избранного" немецкого народа и его предков пассивной роли всех других народов. Все другие народы рассматриваются как народы второго сорта, как "неисторические народы", обреченные своим культурным развитием оплодотворяющему влиянию избранной расы.

Мы знаем, какое место в шовинистической пропаганде немецких фашистов и других представителей буржуазно-националистической литературы занимает противопоставление таких понятий, как арийская раса и неарийские расы и народы, как Запад и Восток, как христианские и мусульманские цивилизации.

Эта противоположность в буржуазно-националистической и в особенности в фашистской историографии рисуется в виде непреложной биологической закономерности. Между народами воздвигаются непреодолимые качественные границы, и господство одного народа над другими рассматривается как факт, определяемый самими законами развития природы.

Мы знаем, что эта попытка воздвигнуть непреодолимые грани между отдельными народами, превратить народы и культуры в биологические категории, рассматривать историю отдельных народов как извечно обособленные процессы ничего общего не имеет с действительно научными фактами.

Мы знаем, что противоречия и связи, возникающие между различными народами и группами народов в их историческом развитии, являются фактами исторически проходящими, что одна эпоха создает одно направление этих связей и противоречий, другая создает другие связи и противоречия.

Известно, что противопоставление народов Запада и Востока так, как мы видим в писаниях фашистов или других буржуазно-националистических авторов – является антинаучным противопоставлением, что не существует извечно противоположных друг другу западных и восточных народов, западной и восточной культуры.

Мы знаем, что в древности, в античном мире, во времена древней Греции и древнего Рима не существовало этого противопоставления, не было его и в начале средневековья, что первые намеки на это противопоставление возникают лишь с эпохи крестовых походов, а по-настоящему оно формируется в европейской буржуазной идеологии, начиная с эпохи Великих открытий, начиная с колониальной экспансии европейских держав на Востоке.

Мы знаем также, что не существует противоположности арийских и неарийских народов, что на протяжении истории вне зависимости от принадлежности к той или другой языковой расовой группе народы вступали между собой в различные сношения и

нередко бывало, что гораздо теснее были связи между народами различного происхождения, чем между теми, которые по языку и крови являются близкими.

Мы знаем, что не было абсолютного противопоставления народов и по религиозному признаку, что эти противоположности, эти противоречия также могли в историческом развитии сыграть определенную роль на определенных этапах истории и сошли со сцены, когда условия, порождающие эти противоречия, исчезали.

Увековечить эти противоречия, превратить их в абсолют, якобы действующий на протяжении всей истории, это значит исказить историческую перспективу для корыстных шовинистических целей, для целей империалистической захватнической политики, для целей демагогического прикрытия хищнических тенденций империалистических государств и в первую очередь фашистской Германии.

Советский Союз является ярким примером снятия всех этих исторически существовавших противоположностей. В рамках Советского Союза объединены люди самых различных рас, самых различных наций и языков, различных культурных традиций, различных религий. Представители европейской "белой" и азиатской "желтой" расы, представители индоевропейских народов, или, как немцы предпочитают говорить, – "арийцы" и "неарийцы", тюрки, монголы, финно-угорские и другие народы, народы, история культуры которых связана с различными религиозными традициями: христианством, исламом, буддизмом, юдаизмом и даже первобытными шаманистскими верованиями, – объединены сейчас в единое Советское государство, строят национальную по форме, но единую по своему социалистическому содержанию советскую культуру. Русские и грузины, таджики и казахи, буряты и карелы, чукчи и осетины объединены как братья в единое политическое и культурное целое в Советском государстве. Это явление представляет собой наиболее убедительное доказательство полного несоответствия всех и всяческих расистских бредней и того, что в той или иной степени примыкает к ним.

Изучение истории народов нашей страны в тесной связи с всемирной историей раскрывает перед нами картины глубоких и древних связей между народами Запада и Востока, между народами различных рас и языковых групп.

Всякие попытки перенести в прошлое категории, возникшие в условиях капиталистической экспансии европейского империализма, являются попытками глубоко антинаучными. Куда можно отнести историю испанского народа и испанской культуры, в которой огромный вклад принадлежит мавританской мусульманской цивилизации раннего средневековья? Куда отнести Италию – к Западу или Востоку, если мы знаем, как указал в свое время товарищ Сталин, что в формировании итальянского народа принимали участие наряду с римлянами также греки, этруски, народ, видимо, малоазиатского происхождения, и даже арабы?

Немецко-фашистские идеологи стремятся стать в позу наиболее чистых представителей европейской, западной цивилизации, но нам хорошо известно, что германский народ складывается из очень пестрых этнографических элементов и не случайно один из более выдающихся представителей современной индоевропейской лингвистики, французский языковед Мейе установил, что немецкий язык и родственные ему языки германской группы являются из всех индоевропейских, или, по фашистской терминологии – "арийских", наименее индоевропейскими, что здесь более всего сохранилось следов речи доиндоевропейского населения Европы и прилегающих к ней стран, что, в частности, именно в германских языках с особой рельефностью сохранились следы древних связей с языками семитскими.

Да и само, наконец, понятие – "индоевропейцы", само это слово (в немецкой шовинистической фразеологии "индогерманцы" или "арийцы") содержит в себе подчеркивание древней связи Европы с далекой южно-азиатской Индией.

Проблема исторических взаимоотношений различных по языку, по культуре, по расе, по религии элементов, заселяющих огромные пространства нашей страны и

сплоченных сейчас ленинско-сталинской национальной политикой нашей партии в единое неразрывное целое, представляет большую научно-исследовательскую проблему, над которой нам предстоит еще много и много работать, чтобы окончательно ее разрешить.

Советские историки уже больше десятка лет после исторического постановления партии и правительства о преподавании истории работают над созданием целостной истории СССР, истории, в которой каждый народ нашей страны выступал бы не только в качестве объекта истории, а в качестве действительного ее субъекта, творца исторического процесса.

Для того, чтобы довести до полного завершения эту работу, чтобы создать подлинную историю народов СССР, которая являлась бы не простым механическим сочетанием отдельных процессов исторического развития каждого отдельного народа, взятого сам по себе, для того, чтобы показать этот процесс во всей своей сложности и взаимосвязи, необходимо провести еще очень серьезную исследовательскую работу.

Мы знаем, что и дореволюционная русская историография также несла на себе отпечаток той же национальной ограниченности, которая свойственна буржуазной историографии других стран, что очень многие русские буржуазные историки глядели на историческое развитие русского народа из-за тех же националистических шор, не учитывая тех исторических взаимосвязей, которые существовали на протяжении веков между русским народом и другими народами нашей огромной родины.

Мы попытаемся ниже дать некоторые контуры той картины, которая сейчас начинает вырисовываться в результате исследовательской работы больших коллективов советских историков, той картины, в которой история русского народа выступает в органической связи с историей других народов нашей страны.

II

Исторические связи предков нашего народа, русского народа с предками других народов нашей страны восходят к глубочайшей древности.

Мы знаем, что территория нашего Союза занимает восточную половину Европы и северную треть европейского и азиатского континентов.

Древнейшие центры мировой цивилизации возникли южнее, в Восточном Средиземноморье, в Египте, Месопотамии, на севере Индии, наконец, на территории Северного Китая. Но очень рано народы, заселявшие территорию нашей страны в эту отдаленную эпоху – IV–III тысячелетия до нашей эры, начали втягиваться в систему исторических связей с этими древними центрами цивилизации.

Мы знаем, что уже в III–II тысячелетия до нашей эры в различных частях территории, ставшей впоследствии территорией Советского Союза, возникают очаги местных цивилизаций, тесно связанных с цивилизациями древнего Востока и все шире и шире распространяющих влияние прогрессивного для того времени хозяйственного и культурного уклада по территории нашей родины.

Эти центры возникают во II тысячелетии [в] Закавказье, где незадолго до войны грузинскими археологами была открыта великолепная древняя цивилизация так называемых цалкинских курганов. В этих Цалкинских курганах были открыты художественные изделия, не уступающие по своей тонкости и художественному уровню лучшим произведениям тогдашних цивилизаций древнего Востока, Месопотамии, Египта, Малой Азии. Аналогичные центры возникают на Северном Кавказе, где к близкому времени относятся прекрасные изделия, найденные в Майкопском кургане. Под кавказским влиянием складывается в Волго-Окском крае так называемая фатьяновская культура. На территории Поднепровья возникает еще в III тысячелетии очаг трипольской культуры, древнейшей земледельческой культуры Восточной Европы, имеющей непосредственное отношение к древней культуре славянских народов и тесно связанной с культурами Малой Азии, Балкан и Дуная. Памятники, очень близко напоминаю-

щие нам Триполье, возникают на территории Средней Азии (Анау на юге Туркмении). Все это на первых порах мало связанные между собой очаги. Здесь, под влиянием более древних и передовых центров восточной цивилизации, незадолго еще перед тем примитивные народы приходят к мотыжно-земледельческой культуре, создают устойчивые земледельческие поселения, вырабатывают своеобразный, прогрессивный для того времени социально-бытовой уклад, своеобразное и яркое искусство.

Но чем дальше, тем более эти отдельные очаги оказываются связанными между собой. В этом отношении особенно интересной является вторая половина II тысячелетия до нашей эры, время расцвета бронзового века на территории нашей страны. Мы узнаем из блестящих открытий наших советских археологов, что в это время на огромной территории преимущественно степной полосы Советского Союза от Дуная на запад до Байкала и Алтая на восток, охватывая всю территорию южных районов Восточной Европы – часть РСФСР, Украины, Казахстана, Южной Сибири, северной части Средней Азии, развиваются очень похожие друг на друга культуры скотоводческо-земледельческих народов, оставившие нам памятники так называемых "андроновской" и "срубной" культур, культур "степного бронзового века".

Знакомясь с жилищами людей того времени, изученными путем раскопок, их орудиями труда, их хозяйственным укладом, их искусством, орнаментом на их посуде и других изделиях, мы всюду встречаемся с чрезвычайно сходными формами. Чем объясняется это сходство? Тем ли, что здесь жил какой-то народ, как объяснили бы это представители националистической идеологии, о которых мы говорили выше? Конечно, нет.

Мы знаем, что население это принадлежит к различным расам и народам. До нас дошли черепа этих людей, они отличаются друг от друга, свидетельствуя об их различном происхождении. Но эти народы на протяжении многих веков были связаны между собой, смешивались друг с другом, в культурном отношении сблизились все больше и больше. Особенно ярко результаты этого процесса сближения выступают в следующий период истории народов нашей страны. Это период возникновения и развития скифской цивилизации, период первой половины и середины I тысячелетия до нашей эры. Это время, когда на южных окраинах нашей страны, в Закавказье, в Средней Азии, в Северном Причерноморье складываются древнейшие государства. Это государство Урарту в Закавказье, в которое входят исторические корни культуры армянского и грузинского народов. Это Бактрийское и Хорезмийское царства древней Средней Азии. Это, наконец, богатейшая своеобразная, складывавшаяся под влиянием греческой культуры, цивилизация городских государств северного побережья Черного моря. Чем дальше, тем больше мы видим установление экономических и политических связей между этими центрами. Мы присутствуем при установлении нового поразительного единства на обширном пространстве от бассейна Дуная и даже Эльбы до территории Монголии, до рубежей Дальнего Востока. Всюду от этой эпохи дошли до нас чрезвычайно однотипные памятники, памятники замечательной скифской цивилизации, выдающейся по своему своеобразию, богатству и яркости. В скифских курганах, на Украине, в Приднепровье, в Крыму, на Северном Кавказе и далеко на Востоке, на Алтае, – мы всюду находим замечательные сосуды, оружие и украшения, покрытые реалистическими сценами охоты и войны, изображающие скифов в быту и во время военных столкновений. Мы находим разнообразные ювелирные изделия, украшенные трактованными с поразительной наблюдательностью изображениями зверей – то шествующих спокойной процессией, то мчащихся в летучем галопе, то борющихся между собой.

Художественный стиль этой огромной территории Скифии, стиль, который мы позволили себе в одной из наших работ назвать "стилем героического реализма", – характеризуется необычайной напряженностью, динамичностью, необычайной наблюдательностью художника над окружающей природой. Борьба с дикими животными, с сильными воинственными врагами составляет основной сюжет произведений этого искусства.

Скифская культура не стояла изолированно от древних культурных центров нашей территории. И государство Урарту, и древние культурные центры Западной Грузии и Средней Азии, культурные центры северного побережья Черного моря, – оказали свое влияние на скифскую культуру. В ней мы находим и влияние древних традиций эллинизированных городов северного Черноморья и цалкинских курганов Грузии и отклики художественных произведений древних царств Средней Азии. Но, творчески переработав и освоив это богатое наследие соседей, в свою очередь культура скифских кочевников и пахарей оказывает мощное воздействие на древние центры цивилизации нашего юга. И когда мы находим на персидских рельефах VI века изображения разнообразных народов нашей страны, северных соседей персидского царства, то мы обнаруживаем здесь черты поразительного единства в одежде и вооружении народов Кавказа, Восточной Европы, Средней Азии и далекой Сибири.

Мы знаем сейчас, благодаря изысканиям армянских историков, что в процессе формирования армянских народов, движение скифов VII–VI веков до н.э. сыграло огромную роль, связав в единое целое кавказские народы с народами Восточной Европы. Мы это знаем и в отношении других народов нашего юга, раньше поднявшихся до создания собственных государств восточно-рабовладельческого или античного типа с более отсталым, но более подвижным племенным бытом скифов, служивших посредниками между этими древними очагами цивилизации.

Когда мы рассматриваем дальнейший процесс развития народов нашей страны, то мы видим на следующем этапе, охватывающем первые века нашей эры (так называемый "сарматский период", по имени народа, наиболее известного в исторических источниках того времени), те же черты культурного единства от Средней Европы – от бассейна Дуная и даже Эльбы, от Балканского полуострова до далеких территорий Средней Азии и южной Сибири.

Народы эти, я еще раз подчеркиваю, были различны по своему происхождению, они различались по своему антропологическому типу. В их культуре немало местных, своеобразных черт. Сведения об их языках позволяют утверждать, что эти языки были различны. Дальнейшее развитие восточных скифов привело к формированию тюркских народов. Среднеазиатские группы теснее всего были связаны с народами иранской группы. Наконец, на Западе скифская культура явилась этапом в истории культуры славянства. Но исторические судьбы тесно связали эти народы между собой. Разнообразные, многочисленные связи приводили к известной культурной нивелировке, к культурному объединению.

Было бы ошибкой считать, что эти процессы ограничивались территорией, которая впоследствии стала территорией нашей страны. Это было бы странно уже априори, и этого и не было. Мы знаем, что территория древней скифо-сарматской цивилизации выходила за пределы той, которая охвачена сейчас границами Советского Союза. В частности, особенно интересными являются те археологические факты, которые показывают нам, как шел процесс формирования древнейшей славянской культуры. Мы видим, что на территории Восточной Европы в бассейнах Днепра и Дуная, ставших впоследствии важнейшим очагом развития славянских народов, живут скифские племена, распространяющиеся дальше на Запад. Мы находим скифские памятники на территории Болгарии, Румынии, нынешней Австрии, отдельные памятники идут дальше, на запад, они проникают до бассейна Эльбы, верховьев Шпрее, до районов, где до настоящего времени сохранился осколок древних полабско-славянских народов – лужичане или лужицкие сербы.

Именно в области лужичан в местечке Веттерсфельде был найден клад замечательных скифских вещей.

Но скифская культура была не единственным источником древней славянской культуры. На всем пространстве от Эльбы до Днепра и даже до Дона скифская культура встречается с так называемой галыштатской культурой, одной из блестящих ци-

визаций древней Европы. Эта гальштатская культура развивалась на территории между бассейном Дуная и северной части Балканского полуострова, на юге через центральную Европу, Польшу, Пруссию вплоть до Эльбы и южного берега Балтийского моря. Ее ответвления проникали далеко на запад, на территорию Франции. Но наиболее богатый центр гальштатской цивилизации лежал в бассейне Дуная – реки, занимающей такое крупное место в народных легендах о происхождении славян, зафиксированных в летописях и фольклоре разных славянских народов.

В гальштатской культуре, одновременной и во многом сходной со скифской, мы видим вместе с тем много своеобразия, делающего ее специфической. Есть предположение, что памятники гальштатской культуры были созданы народами, говорившими на так называемых иллирийских языках. Одним из наиболее могущественных иллирийских народов был народ венетов, – имя, которое в середине века переходит на славян. До нас дошли осколки венетского языка. Он не был славянским, но в нем есть несомненные черты сходства со славянскими языками. Неславянскими были и языки скифов, хотя мы должны признать, что и там есть много элементов, напоминающих славянские языки.

И вот, в процессе объединения многих скифских и иллирийских племен развивается на огромном пространстве от берегов Адриатического моря и Эльбы на Восток до Дона и Верхней Волги процесс формирования славянских народов.

Мы знаем, что гальштатская культура оказала влияние на развитие не только славян, но и многих западноевропейских народов. Гальштатские памятники распространены на территории Франции и проникают до северных границ Испании. Мы знаем, что скифская культура вошла в состав культурного наследия не только славян, но и других народов, финно-угорских и тюркских народов Поволжья, народов Кавказа, народов Средней Азии и Сибири.

Так веками и тысячелетиями складывалась система взаимных связей, восходящих к глубокой исторической древности. Скифская культура оказала большое влияние на племена многих еще более отдаленных лесных районов нашего Севера. Наши археологи установили, что влияние скифской культуры проникло вплоть до Нижней Оби, до Арктического побережья Сибири, до берегов Лены.

Охотничье-рыболовные племена, населявшие эти области, воспринимали элементы скифской культуры. В местах их древних жилищ находят украшения, следы влияния великолепного скифского искусства.

Так формируется общее культурное наследие различных народов нашей страны, без учета которого мы многого не поймем в культурной истории нашей страны. Остановлюсь на некоторых фактах народной культуры современных народов Советского Союза, восходящих к этим отдаленным временам, фактах, которые позволяют нам понять, что для нас далеко не безразличны эти отдаленные от нас тысячелетиями процессы исторических взаимосвязей.

Исследуя орнаменты народов Поволжья, мы можем установить, что господствующий среди мотивов этого орнамента сюжет является общим для славянских народов, для народов Поволжья, для многих народов Средней Азии и Сибири. Это композиция с деревом или женской фигурой в центре и парой всадников, зверей или птиц по бокам. Распространение этого сюжета, в основном, совпадает с древней территорией распространения скифов. Профессор Городцов, недавно скончавшийся выдающийся русский археолог, установил, что этот сюжет в русском искусстве восходит своими корнями к древнему скифскому и сарматскому искусству, где он впервые зафиксирован. Так, в живом народном искусстве от Северной России и Карелии до Таджикистана оказался вскрытым общий древний пласт, восходящий к скифской цивилизации.

Другой пример возьмем из области фольклора. Мы знаем, какое огромное культурное значение имеет устное народное творчество, фольклорные сокровища нашей страны. Мы знаем, какой гордостью наполняют сердца русского человека величе-

ственные образы героев наших эпических сказаний – Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, в которых воплощена вековая борьба русского народа за свою независимость, за широкую дорогу самостоятельного исторического развития. Уже давно было обращено внимание на то, что совершенно аналогичные сюжеты мы находим в эпосе других народов нашей страны, в первую очередь Кавказа и Средней Азии, а за рубежом нашего Союза – в Иране. Была установлена, в частности, особенно близкая связь между образом Ильи Муромца – центральной фигуры русского героического эпоса и образом Рустама, величайшего из богатырей восточного, таджикского, узбекского, иранского, кавказского эпоса.

По поводу этого в специальной литературе были высказаны разные теории. Одни авторы пытались вообще отрицать всякую связь между этими образами. Но они выступали против очевидности, связи были слишком несомненны. Другие пытались объяснить происхождение связей между этими образами тем, что русские заимствовали эти эпические образы в средние века, из иранской эпической литературы непосредственно или при посредстве других народов.

Более глубокий анализ позволяет прийти к выводу, что этот образ не заимствован ни русскими у таджиков или персов, ни последними у русских. Эти образы восходят к общему культурному наследию народов Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы, к наследию, связанному со скифами.

При исследовании древних скифских преданий, рассказанных греческим историком Геродотом, давшим первое описание народов в значительной части нашей Родины, нам удалось обнаружить фрагмент скифского эпоса, являющийся прототипом для центрального сюжетного узла эпоса об Илье Муромце и Рустаме одновременно.

Не механическое заимствование друг у друга, а творческая переработка общего культурного наследия, идущего из глубины веков, лежит в основе этой и многих других параллелей в народном творчестве русского народа и других народов нашей страны.

Так звучит и сейчас тема связи, пронизывающей обширные территории нашей страны уже с глубочайшей древности, с первобытной и античной эпохи.

III

Иными, но не менее интенсивными, не менее существенными становятся эти связи в период средневековья.

Древние связи между народами различных частей обширной территории нашего государства, которые я попытался в основных штрихах восстановить, не прошли, как мы видели, бесследно и наложили свой отпечаток на позднейшую культуру народов нашей страны. Многие из этих связей, конкретных и ощутимых в древности, впоследствии были забыты, утеряны и мы сейчас их представляем лишь по тем следам, которые сохранились частью в письменных источниках, а еще больше в народной культуре самих народов сегодняшнего дня и в археологических памятниках.

Вряд ли мы ошибаемся, если скажем, что на заре средневековья культуры народов Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии были очень близки между собой. Несмотря на различие языка и расового типа на этой территории, Восточная Европа с ее славянскими и неславянскими народами и значительная часть Средней Азии представляли собой еще в V–VII веках нашей эры одну обширную культурно-этнографическую область. Это в значительной степени может быть распространено и на территорию Кавказа.

Крупную роль в переориентации и некотором расшатывании этих связей сыграли два исторических факта раннего средневековья. С одной стороны, это непрекращающееся движение новых и новых племен с востока, из Центральной Азии, носителей кочевого хозяйственного уклада и отсталых родоплеменных традиций общественной

организации. С другой стороны, это появление на территории Средней Азии и Кавказа арабских завоевателей.

Завоевание Закавказья и Средней Азии арабами бесспорно значительно ослабило древние культурные связи между этими странами и Восточной Европой, втянуло эти страны в сферу переднеазиатской феодальной культуры. Политические и экономические связи мусульманской Средней Азии и в значительной части исламинизированного Кавказа оказались противопоставленными древним связям этих стран с Русью, втянутой в сферу византийско-христианской культуры.

Но и это размежевание, связанное с религиозными различиями, игравшими, как мы знаем, в средневековый период часто большее значение, чем национально-языковые, не прерывало древних связей. Они продолжали развиваться своим путем.

Мы знаем, что Средняя Азия и Кавказ не были странами чуждыми и неизвестными народам древней Руси. Наша Начальная Летопись дает очень яркий образ этих связей Руси. Летопись говорит о лежащем в центре Руси Оковском лесе, из которого текут в разные стороны реки, связывающие Русь с окружающим миром. Летописец рассказывает, как из этого леса вытекает Волга, впадающая 77 устьями в Хвалынское (Каспийское) море, и по ее течению идет путь в Болгары (Волжские болгары) в Хвалиссы (Хорезм) и "во весь рубеж Симов" – т.е. в Среднюю Азию и страны Арабского халифата.

И мы знаем действительно, что славянские путешественники-кушцы и воины не были незнакомы людям, жившим на побережьях Каспийского моря.

Мы знаем, что из славян формировались лучшие гвардейские части арабских халифов, мы знаем, что особенно были близки связи славян с Нижним Поволжьем и Хорезмом.

Недавно мне удалось провести одно любопытное историко-этнографическое наблюдение. В труде знаменитого хорезмского историка XI века Бируни есть рассказ об обрядах и праздниках хорезмских христиан. Там описан, между прочим, новогодний обряд "каландас", совершенно совпадающий по содержанию со славянскими колядками (в древнерусском произношении – колянда).

Предпринятое нами исследование этого текста позволило прийти к выводу, что христианство проникло в Хорезм северным путем, через Северное Причерноморье и Поволжье. А в XIII веке путешественник Плано-Капини прямо говорит о наличии в столице Хорезма – Ургенче – многолюдной колонии христиан из русских, алан и хазар.

Еще большую роль славянские элементы сыграли в городах и странах Поволжья. Мы знаем, что Хазария была государством, смешанным по этническому составу, в нем не было количественно преобладающего хазарского элемента, он составлял лишь значительную прослойку. Одним из самых главных элементов населения Хазарии были славяне, с глубокой древности жившие в стране своих древних предков – скифов – на Дону и Нижней Волге. Город Итиль – столица Хазарии, близ нынешней Астрахани, был населен в значительной части славянами, имевшими свое самоуправление. Мы знаем, что описание архитектуры Итиля, Семендера и других хазарских городов очень напоминает нам древневосточнославянскую архитектуру.

В еще большей мере это относится к Булгарскому государству, возникшему в IX–X веке н.э. в области слияния Камы и Волги, на территории нынешней Татарской республики. Волжско-камские болгары представляли народ, сложившийся из тюркских, угро-финских и славянских элементов. Арабские писатели подчеркивают, что они представляют собой народ, похожий, с одной стороны, на славян, с другой – на тюркские племена Центральной и Средней Азии. Не случайно поэтому и то ответвление булгарских кочевников Причерноморья, которые образовало государство на Дунае, целиком слилось с древним славянским населением этой области. Болгары из всех южных славян наиболее близки по своей культуре и языку к восточным славянам. По-видимому, неправильной является теория, что так называемую "орду Аспаруха",

основателя Дунайско-болгарского государства, составляли чисто тюркские кочевники; есть основания полагать, что она с самого начала представляла смешение тюркских и славянских элементов.

Эта полоса смешанных народностей, окаймлявшая с востока и юга Русь, является очень важным историческим фактом, демонстрирующим древность и стойкость связей славянства с его восточными соседями.

IV

Возникновение Русского Киевского государства является фактом первостепенного значения в развитии историко-культурных связей, которым посвящена наша статья.

Мы знаем, как оценивал Маркс всемирно-историческое значение Киевского государства, говоря, что оно сыграло в Восточной Европе ту же роль, как держава Карла Великого на Западе. Что как держава Карла Великого стоит у колыбели всех позднейших западноевропейских государств, так государство Рюриковичей стоит у колыбели всех восточноевропейских государств и народов.

Но в то время, как держава Карла после его смерти распалась на три части, ставшие затем тремя основными областями национальной консолидации в Европе – Францией, Италией и Германией, государство Рюриковичей не распалось. Причиной этого были, с одной стороны, особенности географического положения и исторического окружения Киевской Руси, для которой сохранение единства с самого начала стало вопросом жизни и смерти; с другой стороны – этнографическое единство огромной славянской территории; исторически сложившийся, подавляющий численный и культурный перевес восточного славянства над его соседями сделал Русь естественным центром тяготения разрозненных и слабых племен ее окраин, видевших в Русском государстве естественную опору в борьбе против разнообразных нападений.

Русь может с гордостью применить к себе слова древнего спартанского законодателя, считавшего граждан-воинов лучшей стеной города.

Моря и горы не закрывали подступов в Восточно-европейскую равнину. Широкие степи юга, могучие реки севера открывали удобные пути для вторжения врагов. Вторжения шли за вторжениями. Гуннов сменяют авары – обрыв русской летописи, рассказывающей о жестоком иге, наложенном ими на славян-дулебов, авар – тюрки VI века, тюрков – хазары, хазар – угры-мадьяры, тех печенеги, половцы и, наконец, монголы. Готов сменяют варяги, варягов – немцы. Между молотом и наковальней оказывается веками славянский мир. Но тысячу раз прав поэт, сказавший замечательные слова:

"Перетерпев судьбы удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат
Дробя стекло, кует булат".

И к первым шагам истории Руси как и к дальнейшему ее ходу, одинаково применимы эти слова.

Созданная наиболее передовым, наиболее культурным из восточно-европейских народов – восточными славянами, Киевская Русь включает очень рано в свой состав различные другие этнические элементы Восточной Европы. В системе этого государства эти народы проходят первые шаги своего политического развития. Некоторые из этих народов впоследствии создали свои собственные политические объединения, другие их не создали и были призваны к самостоятельной политической жизни только Октябрьской революцией. Но в культурном развитии всех этих народов киевский период истории нашей страны играет совершенно исключительную роль.

Наши древнейшие исторические традиции, наши сказания о начале русского государства подчеркивают не раз участие различных народов под руководством Руси в бурных событиях этого времени. Новгородская летопись рассказывает нам о том, как варяги захватили власть и попытались установить господство в Новгороде над славян-

скими племенами – словенами и кривичами и финно-угорскими – чудью, мерей и весью, и как эти народы, объединившись, изгоняют варягов за море.

Мы знаем, что ижоры и карелы очень рано входят в орбиту влияния Новгорода, активно помогая ему отражать захватнические вторжения шведов и набеги финнов, что прибалтийские народы, близко родственные славянам – куроны, летгалы и другие входят в систему Полоцкого княжества и проходят там первые шаги своего политического развития, что русские князья не раз призываются предками латышей и эстов на помощь против немецких захватчиков.

Мы знаем, что и на юге нашей родины, народы наших степей тоже не остаются изолированными от культурного влияния Киевской Руси и сами, в свою очередь, активно участвовали в создании блестящей киевской цивилизации. В особенности в этом отношении интересен факт связи Киевской Руси с кочевниками южно-русских степей.

Новые племена, продвигавшиеся сюда из степей Казахстана и Средней Азии, вступали на первых этапах во враждебные столкновения с Киевским государством. Однако, рано или поздно между кочевниками и Русью устанавливаются более или менее добрососедские отношения. Кочевники втягивались в систему феодальных связей Киевского государства. По Руси и другим рекам Киевской земли появились многочисленные поселения так называемых "черных клобуков". Этим названием, тождественным с именем современного среднеазиатского народа каракалпаков, летопись обозначает добровольно подчинившихся Киевскому государству и осевших на его земле тюрков. Эти "черные клобуки" создавали по русскому образцу свои города и княжества, признававшие верховную власть киевских князей. Современный город Бердичев (старое название Берендичев) сохранил в своем имени название тюркского племени Берендеев.

В культуре русского и украинского народа мы найдем следы влияния этих кочевников (особенно среди украинцев) и, наоборот, в культуре тюркских народов и восточной Европы и более отдаленных восточных областей мы найдем влияние культуры Киевского государства.

V

В XII столетии на территории нашей страны существует целый ряд могущественных государств, сыгравших совершенно исключительную роль во всемирной истории того времени. Это было прежде всего Владимиро-Суздальское Великое Княжество, которое к этому времени занимает центральное место в системе Киевской Руси. Недаром в замечательном произведении русской литературы XII столетия "Слово о полку Игореве", представляющем собой памятник, которому нет равного в мировой литературе того времени, по четкой выраженности преданности родине, сознания необходимости объединения русской земли и русского народа для борьбы со вторгшимся на его территорию противником, на первом месте среди князей, которым автор "Слова" обращает свой призыв к объединению для борьбы против общего врага, стоит Владимиро-Суздальский князь Всеволод, войско которого, по словам автора "Слова", так велико, что оно может шлемами Дон вычерпать и веслами Волгу расплескать.

Мы знаем какого расцвета достигает культура этого княжества, оставившая нам неподражаемые памятники Владимиро-Суздальского зодчества. Такой же подъем переживает Закавказье, объединенное под гегемонией Грузии Давида Строителя и Тамары.

В Средней Азии – Хорезмская держава, сумевшая остановить натиск восточных кочевников кара-китаев, восстановить разрушенную вторжением кочевников среднеазиатскую городскую и земледельческую культуру и двинуть ее снова вперед.

Эти государства не были изолированы друг от друга. Они находились между собой в сложных, недостаточно еще исследованных, дипломатических взаимоотношениях. Кочевые народы наших южно-русских степей, территории Казахстана и Сибири тяготеют к этим государствам, включаются в систему их политических связей. Мы уже ви-

дели, какое место занимали черные клобуки, потомки огузов и печенегов в Киевском государстве, мы знаем, что Северо-кавказские половцы находятся в тесной связи с грузинской державой, еще более тесные связи устанавливаются между кочевниками и Хорезмской державой Средней Азии.

Мы знаем, что и между собой эти государства начинают нащупывать дипломатические связи, которые, если бы они развивались более успешно, могли бы, бесспорно, сильно изменить весь ход мировой истории. Я имею в виду, например, брак грузинской царицы Тамары и сына наиболее выдающегося Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского Юрия Андреевича, брак, правда, не увенчавшийся ни семейным, ни дипломатическим успехом, но сам по себе показывающий, в каком направлении Грузия искала уже в это время политические связи, которые укрепили бы ее дипломатическое положение.

Мы знаем, когда монголы в 1223 году появились в Северо-Кавказских степях, то половцы обратились в первую очередь за помощью к Киеву.

Все это показывает нам, как в это время складывалась картина дипломатических взаимоотношений.

И вот над этими блестящими цивилизациями, над этими переживающими период подъема средневековыми государствами, быстрыми шагами идущими по пути перехода от феодальной раздробленности XI–XII вв. к строю централизованных монархий, за которые выступают борцами идеологи национального единства – автор "Слова о полку Игореве" и автор "Витязя в барсовой шкуре", – разражается гигантская катастрофа монгольского нашествия. Варварский отсталый народ, вооруженный лучшими достижениями китайской военной техники и организации – самой передовой в эту эпоху, вторгся на территорию Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы, неся за собой реакционные, полурабовладельческие отношения и разрушая все на своем пути.

Монгольская катастрофа сыграла исключительно отрицательную роль в истории всего человечества и в первую очередь в истории народов нашей страны. Хорошо известны замечательные слова Пушкина по этому вопросу: "России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и оставили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего востока. Образующее просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией".

Эти слова Пушкина глубоко справедливы.

Россия не могла в условиях феодального строя объединенно выступить против монголов, такова была разрушительная сила еще не изжитой феодальной раздробленности. Но тем не менее, каждый город, каждая земля проявили чудеса героизма, отстаивая свою независимость, отстаивая таким образом и прогрессивную европейскую цивилизацию.

Эту славу разделяют с русскими героями XIII века герои столь же трагической обороны от монголов Хорезмской державы, Закавказья, Поволжья, независимо друг от друга отстаивая общее дело спасения цивилизации от кровавого монгольского рабства.

Мы знаем, что Руси в эти годы пришлось сыграть и другую роль, приняв на себя самый страшный натиск, еще более страшный, чем монгольское нашествие, – натиск немецких псов-рыцарей.

Мы знаем, что несмотря на весь кровавый и мрачный характер варварского нашествия монголов, движение немецких "крестоносцев" было гораздо более опустошительным. Если монголы после первого разгрома оставляли населению хотя бы его культуру, то эти немецкие нашествия сметали с лица земли культуру тех народов, которых они принудительно онемечивали, обращали в рабство, превращали в крепостных рабов завоевателей. И мы знаем, что именно русский народ принял на себя этот удар и в героической борьбе на Чудском озере нанес решительное поражение немцам, отбросив их от наших границ.

Несмотря на то, что за спиной Александра Невского стояла растерзанная и окровавленная монгольским нашествием страна, бессильная послать ему достаточную помощь, тем не менее Русь оказалась способной принять на себя эту всемирно историческую роль. Мы знаем, что в борьбе Александра против шведских завоевателей, против немецкого ордена, Русь, защищая свою свободу, осуществляла не только свои узко национальные цели, она выполнила великую всемирно историческую задачу. В этой борьбе участвовали представители других народов. Мы знаем, что в период Невской битвы со шведами крупную роль в дружине Невского играл ижорский старшина Пелгусий и другие представители неславянского населения Прибалтики. Борьба Новгорода и Пскова против немцев тесно смыкалась с борьбой латышских племен против немецкого рабства.

После того, как пронесся монгольский погром над нашей землей, после того, как были отброшены от наших западных границ немцы, Русь надолго оказалась включенной на правах вассала и данника в состав Золотой Орды. И тут мы подходим к одной большой проблеме, без правильного разрешения которой мы многое не поймем в процессе формирования многонационального русского народа.

Золотоордынский период в истории Руси и в истории других народов нашей страны, народов Северного Кавказа, отчасти Закавказья, народов Средней Азии явился периодом господства варварства, угнетения, грабежа, периодом упадка и отсталости. Маркс недаром определяет этот период, как период, когда наша страна втянута в кровавое болото монгольского рабства. Маркс правильно говорит, что это рабство не только давило, оно оскорбляло и иссушало душу народа, ставшего его жертвой.

Мы знаем, вместе с тем, что этот период является сперва временем собирания сил Руси, а затем периодом решительной жестокой и в конечном счете победоносной борьбы против монгольских поработителей. И на Кавказе, и в Средней Азии, и на Руси мы знаем много народных движений, восстаний, которые подготовили расшатывание этой примитивной варварской империи, чудовищным хищником севшей на плечи нашей страны. Мы знаем, что ведущую роль в уничтожении этого наследия монголов сыграла именно Русь, положившая конец его существованию. В этом еще одна великая всемирно-историческая заслуга русского народа и, прежде всего – его заслуга перед непосредственно поработенными золотоордынскими монголами народами нашей страны. Эта борьба против последствий монгольского завоевания является одним из важнейших моментов, которые мы должны уяснить себе для понимания процесса складывания русского многонационального государства.

Мы все помним замечательное определение товарищем Сталиным причин и условий образования многонациональных государств Восточной Европы. Я позволю себе напомнить его:

"В этих странах, – пишет т. Сталин, – капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство"¹.

"В России, – пишет т. Сталин в другой своей работе, – роль объединения национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию"².

Эпоха борьбы за освобождение от монгольского рабства и является эпохой, временем которой мы можем датировать процесс начала консолидации Российского много-

¹ Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. Стр. 73.

² Там же. Стр. 10.

национального государства, и нить этой борьбы проходит от времени монгольского погрома, через Куликово поле, через победу Дмитрия Донского над Мамаем, через деятельность Ивана III и Ивана IV, завершаясь, наконец, окончательной ликвидацией последствий монгольского нашествия, воссоединением восточно-славянских земель и подчинением России Сибири, степей Восточной Европы и Казахстана.

Включение Поволжья и южных окраин Восточной Европы в состав Московского русского государства является органической составной частью этого процесса борьбы. С этой точки зрения глубоко неправильно рассматривать этот процесс, как процесс захватнической политики, как несправедливую войну, направленную на порабощение независимых народов Поволжья, Причерноморья, Казахстана.

В действительности эти народы давно утратили свою независимость, в еще большей мере, чем Русь, страдая от господства реакционного, полуварварского режима Золотой Орды. Мы знаем, вместе с тем, что процесс этот шел сложными и тяжелыми путями. Отнюдь не всегда объединение было добровольным. Феодалная эпоха порождала феодальные политические средства. Недаром Иван Грозный вошел в историю с этим прозвищем. В дни покорения Казани он целиком оправдал это имя. Но вместе с тем неправильно рассматривать борьбу Казанского или Астраханского ханства, как национальную борьбу татар за их национальные интересы против русских захватчиков. Мы знаем, что основные группы народов Поволжья тяготели к Руси, видя в объединении с ней спасение от непрерывных набегов и грабежей кочевников, составлявших этнографическое ядро Золотой Орды. Потребность в ликвидации режима непрерывной феодальной резни, хищнических набегов и грабежей, столь характерного для последнего периода истории Золотой орды, осознавалась и народными массами и наиболее дальновидными из феодалов. Сами кочевые племена, на которые опирались золотоордынские и сменившие их местные ханы, жестоко страдали от этого режима. Удачные набеги на соседей или на Русь не окупали разрушительных последствий политического хаоса, царившего в Орде XV–XVI вв. И мы видим, как татарский хан Касим добровольно становится вассалом Москвы, получая во владение Мещерский Городец – нынешний Касимов, как в Казани побеждает партия, стоящая за вассальное подчинение Москве, и Иван III становится сузереном ханства.

Мы знаем, вместе с тем, какую роль Турция, превратившаяся в эту эпоху в грозную реакционную силу на юго-востоке Европы, играла в разжигании противоречий между народами Поволжья и Русью. Турецкая опасность была вполне реальной. Об этом говорит не только деятельность турецких агентов, разжигавших религиозный фанатизм поволжских мусульман и проповедовавших "священную войну", но и набеги вассалов Турции – крымских ханов на Москву и появление регулярных турецких войск под Астраханью. Присоединение Поволжья было жизненно необходимо для Руси. Не присоединив Поволжья, Иван IV не разрешил бы той задачи, которая была поставлена перед ним, – навсегда остановить движение восточных завоевателей, обеспечить безопасность границ идущего к новому подъему Русского государства.

Так прошел этот первый этап консолидации Российского многонационального государства. Но мы знаем, что режим кровавой феодальной анархии, междоусобной резни продолжал царить на восточной части золотоордынской территории. Политическое бессилие враждующих между собой ханов этих областей делает их легкой добычей всякого завоевателя. Территории Сибири, Казахстана, ряд районов Средней Азии и Северного Кавказа особенно остро переживают этот процесс. И мы наблюдаем естественное тяготение этих народов, в особенности тогда, когда им приходится переживать трудные политические моменты, к тому могущественному государству, которое ниспровергло Золотую Орду и заняло центральное место в системе феодальных княжеств, некогда входящих в ее систему.

Мы знаем, что ногайские татары тяготеют к государству Ивана IV, что походу Ермака предшествовало добровольное признание Кучумом верховной власти Москвы, мы знаем, что посольства с просьбой о помощи поступают в Москву от казахских и

хивинских ханов. Особенно остро становится положение народов восточных окраин бывшей Золотоордынской Империи, когда с Востока надвигаются новые варвары-завоеватели.

XVII и начало XVIII века в жизни народов Казахской степи явились трагическим периодом. Сформировавшееся в западной части Монголии новое полуварварское государство – государство Джунгарских ойротов – вступило на путь, некогда пройденный Чингис-ханом. В Джунгарии, в основном повторилось то, с чего начала свою историю Золотая Орда, и поэтому те события, которые разворачиваются в XVIII столетии, мы должны рассматривать в тесной связи с процессом начала консолидации многонационального Российского государства. В частности, вхождение в XVIII в. значительной части Казахстана в состав Российской империи должно рассматриваться в этом аспекте.

С этой точки зрения нельзя не согласиться с рецензентом "Истории Казахстана" тов. Морозовым в его оценке ошибок, допущенных авторами этой книги. Оценивать вхождение Казахстана в XVIII столетии в состав Российской империи, как абсолютное зло, значит совершать грубую ошибку. Те перспективы, которые были тогда перед казахским народом, – перспективы политического расчленения и физического уничтожения – делали вхождение в состав Российской империи наиболее соответствующим интересам казахского народа. Другого пути не было дано. Надо было выбирать между подчинением России, наиболее передовому из соседящих с Казахстаном государств, и расчленением и порабощением казахского народа Джунгарскими завоевателями и средне-азиатскими ханствами.

Я не буду останавливаться на вопросах, связанных с вхождением в состав России Украины и Грузии, вопросах, достаточно освещенных в известных "Замечаниях" т.т. Сталина, Кирова и Жданова.

Было бы грубой ошибкой, конечно, считать, что этот процесс консолидации Российского многонационального государства явился процессом, проходившим под знаком полного взаимопонимания и дружбы народов. Мы не можем закрывать глаза на то, в какую эпоху это происходило. Россия являлась государством крепостническим, которое могло осуществлять только политику, соответствовавшую интересам ее господствующих классов. Поэтому процесс консолидации был тяжелым путем, наполненным восстаниями и кровавыми расправами с восставшими, наполненным завоевательными походами. Мы знаем, однако, что нередко не менее кровавыми и жестокими были меры подчинения Москве исконнорусских областей – Новгорода, Твери и других, пытавшихся отстаивать свою независимость русских феодальных княжеств. Но этот процесс был необходим исторически. Этот процесс был единственно прогрессивным в эту эпоху. Товарищ Сталин дал нам совершенно ясное определение причин и предпосылок для создания этого государства. Но было бы, конечно, грубой ошибкой считать, что это государство было раем для тех народов, которые в него вошли.

VI

Если в XV–XVIII веках была острая необходимость в этом объединении, то в XIX столетии, когда отошла опасность монгольского нашествия, когда Турция перестала быть реальной угрозой этому многонациональному государству, когда, наконец, победа царизма над крестьянской революционной войной Пугачева и над попытками дворянских революционеров-декабристов открыть дорогу развитию прогрессивных социально-экономических отношений привела к торжеству феодальной реакции, Россия превратилась в то, что законно получило название тюрьмы народов.

Товарищ Сталин заканчивает ту цитату, которую я проводил выше, словами, достаточно отчетливо раскрывающими этот процесс: "Эти многонациональные государства Востока послужили родиной того национального гнета, который породил национальные конфликты, национальные движения, национальный вопрос и разные способы разрешения этого вопроса".

Мы знаем, что самодержавие создавало весьма тяжелые условия для тех народов, которые вошли в систему Российской державы, даже в XVII–XVIII веках, когда это объединение было бесспорно прогрессивным. Мы знаем много восстаний угнетенных народов против господства крепостнической России. Особенно упорными становятся эти восстания в XIX веке, когда, как говорит товарищ Сталин, к политическому гнету присоединяется экономический, принудительное объединение трансформируется в колониальную политику. Но мы знаем, что в этих выступлениях народы нашей страны не были одиноки, что рядом с ними против общего врага, против феодально-крепостнического гнета, против царизма выступал в первую очередь сам русский народ.

Если мы проследим историю народных движений XVII–XVIII столетий от Разина до Булавина и Пугачева, то мы увидим, что башкиры, чуваша, марийцы, мордва, удмурты, татары примыкают к движению русского крестьянства, к движению этих выдающихся вождей антифеодальной борьбы русского народа.

Так уже очень рано сливается в единое русло антифеодальная борьба разных народов России. Сам русский народ борется против феодального и национального гнета, возглавляя борьбу угнетенных народов царской России.

Изучая историю русских прогрессивных революционно-демократических движений, мы видим, что и в XIX в. передовая часть русского общества, выступающая против феодально-крепостнической реакции, занимает по отношению к народам нашей страны, к их национальному движению позицию, сильно отличную от той, с которой мы встречаемся среди мыслителей многих демократических западно-европейских стран. Даже националистически настроенные декабристы, не понимая значения национального вопроса, все же подчеркивали необходимость полного гражданского равноправия народов; Пестель выступал за освобождение Польши и призывал русских революционеров помочь полякам в установлении в их стране демократического режима, а Никита Муравьев выдвигал проект широкой федерации, куда членами вступали Украина со столицей в Харькове, Кавказ – со столицей в Тбилиси и т.д. Это не было, конечно, федерацией, построенной на базе национальной автономии – и Украина и Кавказ мыслились, как русские области, но мы и не могли бы требовать иного от представителей правого крыла декабристов, ибо и сама-то национальная проблема по существу еще только начинала назревать.

Мы знаем, что последующие прогрессивные русские мыслители никогда не противопоставляют себя и русский народ другим народам нашей страны. Не понимая, обычно, необходимости выдвижения лозунга самоопределения, они, вместе с тем, клеймили царскую политику национального угнетения и смотрели на нерусские народы России, как на равноправных сограждан Российского государства.

Типичны для этих настроений знаменитые слова Пушкина в его "Памятнике":

"Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей – калмык".

И репликой этим строкам звучат стихи классика татарской литературы Габдуллы Тукая:

"Если Лермонтов и Пушкин – каждый солнце в небесах,
Я луною светлой буду – их лучи в моих стихах.
Кто не любит их творенья? Я люблю их с давних дней
Мне они родны, как песни милой матери моей".

И как не вспомнить яркие строки о Пушкине другого классика литературы народов СССР – азербайджанца М.Ф. Ахундова:

"Разве ты, чуждый миру, не слышал о Пушкине, о главе собора поэтов? Ломоносов красотами гения украсил обитель поэзии – мечта Пушкина водворилась в ней. Державин завоевал державу поэзии, но властелином ее Пушкин был избран свыше.

Карамзин наполнил чашу вином знания – Пушкин выпил вино этой полной чаши. Разошлась слава его по Европе, как могущество царское, от Китая до Татарии.

Светлотою ума он был любимцем Севера, как взор молодой луны драгоценен Востоку".

Герцен, Чернышевский и последующие революционно-демократические деятели неизменно выступали на защиту угнетенных народов нашей родины. Мы знаем, какой поддержкой пользовалась деятельность Тараса Шевченко, – величайшего поэта и революционера-демократа Украины, среди представителей русской прогрессивной общественности того времени.

Мы знаем, что развитие национально-освободительных идей, развитие революционно-демократических традиций самих угнетенных народов России, в процессе их растущей национальной консолидации оплодотворялось творчеством русских прогрессивных писателей и мыслителей. Так, под влиянием русской революционно-демократической литературы складывалось творчество Ильи Чавчавадзе, Акопа Акопяна, Мирза Фатали Ахундова, Косты Хетагурова, Габдуллы Тукая и целого ряда других деятелей далеких и близких народов нашей страны. Такова была прогрессивная роль передовой русской культуры в подъеме и развитии культуры народов России.

В произведениях этих писателей горячий патриотизм, любовь к родному народу, гордость своей национальной культурой – сочетаются с любовью и уважением к русскому народу, высокой оценкой его исторических и культурных заслуг. Только в единении с русским народом видят они путь к свободе своего народа.

Габдулла Тукай говорит:

"Здесь родились мы, здесь выросли, здесь и умрем,
С нашей отчизной Россией к свободе придем!"

И в другом месте:

"Нам издавна другом был русский народ,
И разве конец этой дружбе придет?"

И с татарским поэтом перекликается грузинский:

"Мы высоко ценим братство, единение и дружбу с народами России... есть молодая Россия, с которой мы желаем идти рука об руку не только для осуществления национальных, но и общечеловеческих идеалов, которые называются братством, единением, равноправием" (А. Церетели).

Когда мы сравниваем эту сторону русской общественной жизни XIX столетия с тем, что происходит в это время за рубежом, мы можем наблюдать, что в тех странах, которые из национальных государств без национального гнета становятся к этому времени колониальными державами с национальным гнетом, да еще в наиболее жестоких его формах, развивается проповедь идеологии национального и расового неравенства, появляются предтечи звериной идеологии фашизма. У многих, особенно немецких мыслителей, у Гегеля, у Фитхе, у Ницше, у француза Гобино, у англичанина Чемберлена мы сталкиваемся с развернутой апологией национального неравенства и угнетения одних народов другими, "избранными" народами. Эти идеи были чужды русской общественности – если не считать закоренелых агентов царизма – черносотенцев, от писаний которых отвергались с отвращением широчайшие слои русской интеллигенции, в том числе – весьма далекие от революционных идей.

Это, конечно, не является какой-то спецификой, якобы извечно присущей русскому национальному духу. Мы не делаем свой народ избранным народом, наделенным какими-то сверхъестественными, не присущими другим народам качествами. Мы объясняем эту особенность русской общественной мысли из особенностей нашего исторического прошлого, мы понимаем ее в свете нашей истории.

Те глубокие древние связи, глубокое многовековое общение между близкими и далекими народами нашей страны, общность исторических судеб, общность многих исторических испытаний, через которые прошли эти народы, – способствовали их сближению, их взаимопониманию.

Это хорошо выразил татарский писатель конца XIX века Каюм Насыри: "Благодаря тому, что российский человек жил на одной земле, рос на одной земле и ел один и тот же хлеб вместе с мусульманином – эти два народа хорошо знают обычаи друг друга, российский человек хорошо знает, как будет лучше для мусульман". Гнет царизма был одинаково ненавистен русскому народу и его братьям, страдавшим в той же "тюрьме народов". Попытки царизма натравливать одни народы нашей страны на другие, разжигать национальную рознь и взаимное недоверие не встречали поддержки ни в народных массах, ни в интеллигенции.

VII

Таковы те пути, которыми шла история культурных и политических взаимоотношений между отдельными народами и нашей родины до тех пор, когда на смену выступил русский марксизм, русский пролетариат и его партия, когда на смену прогрессивной и благожелательной по отношению к народам Советского Союза, но не оформленной, неясной программе представителей революционной демократии XIX века пришла ленинско-сталинская национальная политика.

Мы знаем, что именно ленинско-сталинская национальная политика, именно победа Октябрьской Социалистической революции привели к тому, что эти исторические предпосылки и условия оказались реализованными. Мы наглядно можем убедиться в этом на примере второго из многонациональных государств, упомянутых товарищем Сталиным в его статье "О национальном вопросе", на примере Австро-Венгрии. Правда, исторические корни, связи между отдельными народами Австро-Венгрии не были так глубоки, как между отдельными народами нашей страны. Австрийцы не занимали такого бесспорно центрального положения, которое русский народ занял в системе Российского многонационального государства, ибо австрийская нация не могла считать себя намного более сильной и высокостоящей в культурном отношении по сравнению, например, с чехами, но, несомненно, это государство также возникло, отвечая общим интересам борьбы против в первую очередь турецких завоевателей. Тем не менее, ход истории обрек его на распад и крушение, ибо австро-венгерские, даже прогрессивные, демократические группировки, вплоть до австрийских социал-демократов шли путем диаметрально противоположным той политике, которую с самого начала стала осуществлять в национальном вопросе наша партия.

Как бы ни были глубоки исторические связи между народами нашей страны, бесспорно, без Октябрьской революции, без нашей партии, без Ленина, без Сталина эти предпосылки никогда не были бы реализованы. Процесс национальной консолидации отдельных народов нашей страны неизбежно в условиях буржуазного строя привел бы к политическому распаду России на отдельные, не связанные между собой, может быть, враждующие между собой, государства. Сила нашего советского строя, сила нашей партии, сила нашей идеологии сказалась в том, что царская Россия, ставшая в XIX веке и начале XX века подлинной тюрьмой народов, царская Россия, режим которой товарищ Сталин в своей речи в ноябре 1941 года, не без основания, сравнивал с фашистским режимом, эта царская Россия оказалась превращенной в социалистическое содружество народов нашей великой страны; и сейчас, оглядываясь назад на огромный, пройденный этими народами путь, мы можем трезво оценить те задачи, которые стоят перед нашей исторической наукой, правдиво показать этот путь, показать все древние и новые связи, возникавшие между народами на протяжении их истории, показать историческую роль тех объединений, которые возникали на протяжении этого исторического развития, и показать, как это историческое развитие привело в конечном счете к реализации сталинской национальной политики, к сталинской дружбе народов.

**ЦК ВКП(б)
УПРАВЛЕНИЕ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ**

Докладная записка

I

Выполняя Ваше поручение о составлении докладной записки с программой исторического отдела журнала "Большевик", я должен предварительно оговориться, что моя научная специальность – древняя и средневековая история, археология и этнография Средней Азии и сопредельных стран, естественно, лимитирует мои возможности в этом вопросе. Вопросы новой и новейшей истории Запада и, в значительной мере, СССР, которым, бесспорно, должно быть уделено особое внимание в программе журнала, настолько далеки от моей специальности, что я не могу позволить себе высказываться по ним, ибо мое мнение здесь было бы мнением дилетанта, вряд ли представляющим для кого-нибудь интерес.

Если я все же взял на себя смелость принять Ваше предложение, то не только потому, что, на мой взгляд, вопросы, близкие к моей специальности, вопросы древней и средневековой истории народов СССР и вопросы новой истории СССР, поскольку они касаются народов Советского Востока – так же стоят сейчас в центре внимания исторической науки и представляют не только общетеоретический, но и актуально-политический интерес. В этих рамках и я позволю себе остановиться в своей докладной записке, из чего, конечно, не следует, что я недооцениваю значения не вошедших в нее проблем, компетентное суждение по которым я, однако, не могу взять на себя.

II

Ход последних обсуждений положения на историческом фронте, в частности, итоги совещания историков в ЦК ВКП(б), показал со всей убедительностью, что в нашей исторической литературе за последнее время имеют место серьезные националистические шатания, связанные с потерей некоторыми историками методологической ориентации, неумением уяснить наше советское, марксистско-ленинское понимание историзма и патриотического отношения к историческому прошлому. Эта дезориентация привела к тому, что место нигилистического взгляда на национальную историю, свойственного школе Покровского, у некоторых историков заняла безоговорочная реабилитация прошлого, вплоть до самых мрачных его сторон. Особенно последовательна в этом направлении попытка Аджемьяна* создать целую "неогегельянскую философию истории", направленную на безоговорочную реабилитацию царизма на всем протяжении его развития и столь же безоговорочное очернение всех направленных против самодержавия крестьянских и национальных движений. С другой стороны, та же тенденция апологии всего национального прошлого в произведениях историков отдельных национальных республик СССР приводит к антиисторическим попыткам безудержного разукрашивания своей национальной истории, замалчивания всех ее темных страниц, толкования всех без исключения войн в истории данного народа как

* *Аджемьян Х.Г.* (1909–1968) – поэт, публицист, по образованию философ. В присланной в "Исторический журнал" статье предлагал отказаться от рассмотрения истории под углом зрения классовой борьбы, считать сопротивление экспансии России на Кавказе, крестьянские восстания и движение декабристов реакционными. На совещании 1944 г. отстаивал, опираясь на авторитет Гегеля, тезис о "монистической цельности и неразрывности народа и государства". – *Примеч. С.С. Альмова.*

войн справедливых – что приводит к резкому противоречию оценки одних и тех же фактов истории данных республик (узбеки и таджики, киргизы и казахи и т.д.). Наиболее резко выступает в этих работах тенденция рассматривать взаимоотношения данного народа с Россией только под одним углом зрения – под углом зрения разоблачения захватнической политики России и возвеличивания всех без исключения национальных деятелей, выступавших против России, каковы бы ни были обстоятельства и мотивы этих выступлений.

Оба эти направления – в одинаковой мере политически вредны и при всей своей кажущейся противоположности покоятся на одном методологическом основании, связанном с неумением или нежеланием вскрыть подлинную диалектику истории, подойти к историческим событиям и деятелям с подлинно марксистско-ленинским анализом. Авторы эти не умеют или не желают понять, что в разные исторические эпохи факты, кажущиеся на первый взгляд "одинаковыми", играют совершенно различную роль, что есть "царизм" и "царизм", что нельзя путать Грозного и Петра с Николаем I или II, что можно и нужно процесс соединения народов нашей страны вокруг Руси в X–XVII вв., отчасти XVIII в. рассматривать как положительный, прогрессивный не только для русского, но и для большинства остальных народов России – и вместе с тем не замалчивать захватнических тенденций в политике Российского государства, которое вело феодальную политику, так как было феодальным государством и не могло быть иным, не смазывать прогрессивности антифеодальных крестьянских движений – в том числе и национальных, и, тем более, не переносить на XIX–XX века оценки роли России по отношению к остальным народам в предшествующий период. Авторы эти не умеют понять, что можно и нужно применять к царской России XIX–XX вв. понятие "тюрьма народов", ибо таковой она действительно стала на этом этапе своей истории – и вместе с тем не отрицать положит[ельного] значения отдельных моментов в политике тогдашней России, связанных, особенно, с борьбой за свою политическую самостоятельность, и что вовсе не обязательная положительная оценка Кутузова и Нахимова должна влечь за собой положительную оценку Аракчеева и Каткова. Эти авторы не умеют или не хотят понять, что воспитание национальной гордости русского человека и любви и уважения к русскому народу со стороны других народов Союза весьма мало выиграет от таких апологий, что гордиться мы вправе и должны действительными гигантами прогресс[ивной] мысли и действия, которыми так богата русская история вопреки реакционной политике царизма, что лучший путь к завоеванию уважения со стороны братских народов СССР – это развернутый показ того, какую огромную роль в их раскрепощении сыграла героическая борьба лучших людей русского народа СССР под руководством русского рабочего класса и его партии. Раскрытие предьстории Сталинской дружбы народов является большой и благодарной задачей для сов[етских] историков.

Мы должны вместе с тем отметить другой круг вопросов, так же волнующий историков наших республик и так же являющийся сферой проявления нездоровых националистических тенденций. Этот вопрос можно назвать вопросом о "культурном наследстве". С ним тесно связана проблема этногенеза – происхождения отдельных народов и их групп. Вопреки сталинскому учению о нации, как об исторической общности, слагающейся на определенном этапе развития из различных расовых и племенных элементов, нередко имеют место попытки рассматривать историю каждого отдельного народа как прямолинейный процесс, уходящий своими корнями чуть ли не в палеолит, и приписывать исключительно данному народу культурные достижения, имевшие место в глубокой древности на территории его нынешнего обитания или в среде родственных ему лингвистически народов. Так, некоторые таджикистанские историки пытаются всю древнюю цивилизацию Средней Азии приписать предкам одних только таджиков на том основании, что древнее население Средней Азии говорило на языках иранской лингвистической группы, к которой принадлежит таджикский. Между тем,

традиции древних среднеазиатских цивилизаций живут в культуре всех остальных народов Средней Азии, и узбеки, в частности, несмотря на свой тюркский язык, являются такими же потомками согдийцев и хорезмийцев, как таджики – согдийцев и бактрийцев. Вместо того, чтобы показывать древнюю и глубокую историко-культурную связь между братскими народами соседних республик, авторы таджикской истории вбивают клин между ними, искажая действительный ход истории. Еще более резко эта тенденция выступает у украинских националистов, пытающихся весь Киевский период русской истории рассматривать как введение в историю одного украинского народа, а не всего восточного славянства. Никому, кроме буржуазных шовинистов, не придет в голову считать итальянцев единственными и прямыми наследниками Римской цивилизации, нынешних греков – греческой, а айсоров – ассирийской. Товарищ Сталин блестяще показал, что современные нации представляют собой продукт сложного скрещения различных этнических элементов, и каждая нация с этой точки зрения является носителем традиций различных древних цивилизаций, и вместе с тем одни и те же исторические пласты мы находим в культуре иногда очень далеких народов. И если брать народы СССР, на протяжении своего развития многократно вступавшие в тесные исторические связи, эти общие пласты, связывающие Русь, Поволжье, Кавказ, Среднюю Азию и Сибирь, окажутся особенно мощными.

Выявление и исследование этих связей, создание новой исторической дисциплины, потребность в оформлении которой давно назрела, – древней истории народов СССР в целом, будет, бесспорно, способствовать изживанию отмеченных выше тенденций.

III

Внесение правильной ориентации в эти вопросы является неотложной задачей, причем задачей отнюдь не простой, ибо ее разрешение требует серьезной научно-исследовательской разработки целого ряда очень слабо изученных или неверно освещенных вопросов нашей отечественной истории.

В хронологическом порядке я бы считал необходимым поставить на очередь следующие проблемы, подлежащие научной разработке и освещению на страницах руководящего теоретического органа партии:

1) Проблема древних цивилизаций на территории СССР, их связей с эллинской и древневосточной цивилизациями и их роли в последующем экономическом, политическом и культурном развитии позднейших народов нашей страны. В этой связи должна быть освещена проблема общности древнейшего культурного наследия народов Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии (восточный эллинизм и скифо-сарматская культура).

2) Проблема происхождения народов нашей страны – в первую очередь славянских, кавказских, иранских, тюрко-татарских и угро-финских, освещенная в плане борьбы с расистскими шовинистическими "теориями", отголоски которых еще имеют широкое хождение. Должна быть разоблачена пустившая глубокие корни и не изжитая до и по сейчас немецкая фальшивка о доминирующей роли германцев в культурном развитии Европы в целом и Восточной Европы в частности и о пассивной роли древнего славянства (готская, варяжская и другие "теории").

Разработка проблем этногенеза должна вестись на основе сталинского учения о нации, с использованием достижений корифея русской лингвистической науки академика Н.Я. Марра. Должны быть вскрыты глубокие и древние связи между отдельными народами СССР, могучие общие пласты в их культуре, вопреки попыткам отдельных националистических историков приписать наследство той или другой из древних цивилизаций нашей страны только своему народу.

Важно показать, в частности, что вплоть до раннего средневековья Кавказ, Средняя Азия и Восточная Европа были чрезвычайно тесно культурно-этнически связаны между собой, развиваясь в сфере общих влияний восточно-эллинистической цивилизации, и что только арабское завоевание VII–VIII вв. и последующая исламизация Средней Азии и части Кавказа разобщила исламизированные народы от тех, которые пошли дальше в русле византийско-христианских влияний – причем это разобщение оставалось далеко не абсолютным.

3) Проблема сложения российского и многонационального государства в борьбе с монгольскими и турецкими на Востоке и Юге и немецкими на Северо-Западе завоевателями. Эта проблема, в общей форме решенная товарищем Сталиным, в конкретном своем аспекте почти совершенно не разработана. Именно этой неразработанностью объясняется, например, попытка татарских литераторов превратить в национального героя последыша хищнического золотоордынского государства – Едигея, политика которого была губительна не только и не столько для Руси, сколько для самих поволжских татар.

Этим же объясняется и та ошибочная концепция обстоятельств вхождения Казахстана в систему Российской империи, которая нашла свое отражение в "Истории Казахской ССР".

4) Проблема совместного участия народов нашей страны под руководством прогрессивных элементов русского народа в антифеодальных движениях (Разин, Пугачев и др.). История восстаний отдельных народов против царизма в XVII–XVIII вв., постоянно рассматриваемая изолированно, лишь в аспекте борьбы данного народа против России, как целого, может быть правильно оценена только на общем фоне антифеодальных движений народных масс в самом Российском государстве.

4) (так!) Вопрос о месте национальной проблемы в программе русских прогрессивно-просветительских и революционно-демократических движений XIX в., в программах декабристов, в учениях Герцена, Чернышевского и др. Отношение русских прогресс[ивных] движений и деятелей к борьбе угнетенных национальностей царской России. Влияние передовых идей русского революционного просветительства на передовых деятелей угнетенных народов.

5) Проблема влияния русской культуры на культурное развитие народов России. Здесь стоит большая задача, не вульгаризируя и не схематизируя вопрос и не смазывая отрицательного значения казенно-русификаторской политики царизма, – показать ту большую положит[ельную] роль, которую оказало на развитие отсталых народов окраин царской России распространение элементов русской культуры.

Профессор С.П. Толстов
Москва, 28 августа 1944 г.